

славу Отечеству стяжали. К фамилии царской город вообще никакого отношения не имел. Согласно одной из летописей, поставил его в 1345 году напротив Борисоглебской слободы угличский князь Роман Васильевич, сын того ярославского князя, которого первым в русской истории стали именовать Грозным. Есть и другой летописный источник, указывающий на угличского князя Романа Владимировича Святого и называющий годом основания 1285-й. Как бы то ни было, но уже задолго до провозглашения в 1613 году царем первого из боярского рода Романовых стояли на Волге правобережный Борисоглебск и левобережный Романов, начавшийся с крепости, где находилась княжеская резиденция. А в 1822 году оба города были объединены в Романов, нередко именовавшийся также, как Романово-Борисоглебск.

Известность у него была стойкая. Если по общественной значимости Романов не сравнить ни с Ярославлем, ни даже с Рыбинском, то в историю отечественной архитектуры он вписан ярчайшей ее страницей. Когда еще ездили сюда изучать фрески Гурия Никитина в Крестовоздвиженском соборе, что «в валах», подивиться отчаянной смелости безвестных зодчих, поставивших у самой воды церковь Казанскую, полюбоваться торжественной красотой каменного узорочья Воскресенского собора...

После 1838 года, когда во время своей знаменитой поездки по Волге запечатлели город Романов академики живописи братья Чернецовы, едва ли не большинство русских художников почитало за долг приобщиться к старине романовской. А знаменитый певец русского провинциального быта Борис Кустодиев нашел в этом волжском городке ярчайший образец того, что потом назвали «кустодиевской Русью».

Мы, к сожалению, мало что сумели добавить к достоянию предков. Так, может, хотя бы память о них возвратим?..

Н. ГРАШИН

Фото А. Расовского

*Воскресенский собор. XVII в.
Борисоглебская сторона.*

*Крестовоздвиженский собор. 1658 г.
Старое городище Романова,
что «в валах».*

*Казанская, она же Преображенская
или Никольская церковь. 1758 г.
Романовская сторона.*

1994

ФЕВРАЛЬ

Иллюстрированный
ежемесячный
журнал

Главный редактор
в. и. ФЕДОТОВА.

Первый заместитель
главного редактора
А. П. ЖАРОВА.

Заместитель
главного редактора
Г. А. ГУБА.

Ответственный секретарь
н. ф. ГРАШИН.
Главный художник
С. А. ВИНОГРАДОВА.

Ответственный за выпуск
Т. Л. ТОКАРЕВА.

Номер оформила художник
Т. Р. ГОРЕЛОВА.

Технический редактор
Н. Г. КОЗЛОВА.

Секретариат: 250-67-31.
Отдел писем: 250-15-56.

При перепечатке материалов
журнала «Мир женщины»
просим указывать источник.
Рукописи и фотографии
не возвращаются.

Общественно-политический и
литературно-художественный
журнал • Учредители - Союз
женщин России и коллектив
редакции • Основан в 1945 го-
ду как журнал «Советская
женщина», с 1992-го — «Мир
женщины» • Выходит один
раз в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

125267, Москва. Миусская площадь, 6.

Сдано в набор 13.12.93.

Подписано в печать 05.01.94.

Формат 84x108¹/₁₆. Бумага офсетная.

Офсетная печать. Усл. п. л. 6,72.

Усл. кр.-отт. 29,40. Уч.-изд. л. 9,58.

Тираж 254700 экз. Заказ № 1106.

Цена договорная.

Типография издательства «Пресса»,

125865, ГСП, Москва, А-137. ул. «Правды», 24.

На 1-й странице обложки

Наталья Нестерова не толь-
ко мама этих очарователь-
ных детей, но и...

(См. стр. 46-47.)

Фото Н. Белецкого

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и массовой
информации Российской Федерации.
Рег. № 1478.

© «Мир женщины», 1994.

Издательство «Пресса».

По итогам всенародного голосова-
ния 12 декабря 1993 года от Полити-
ческого движения «Женщины Рос-
сии» в Государственную Думу Фе-
дерального собрания избраны де-
путатами:

ФЕДУЛОВА Алевтина Васильевна - Предсе-
датель Союза женщин России, г. Москва;
ЛАХОВА Екатерина Филипповна - Советник
Президента по делам женщин, семьи и де-
тей, г. Москва;

ГУНДАРЕВА Наталья Георгиевна — народная
артистка России, г. Москва;

МАЛАХАТКИНА Наталья Дмитриевна - Пред-
седатель Центра «ДОМ» («Детство, Обще-
ство, Милосердие»), Московская обл.;

ЗАВАДСКАЯ Людмила Николаевна - и. о. зав.
сектором Института государства и права
Российской Академии наук, г. Москва;

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Марина Карамановна -
Председатель Союза женщин Военно-Мор-
ского Флота, г. Москва;

КЛИМАНТОВА Галина Ивановна - зав. отде-
лом по делам семьи Совета Министров
Удмуртской Республики, Ижевск;

АРСЛАНОВА Фануза Шарифовна - юрист,
Новый Уренгой, Ямало-Ненецкий автоном-
ный округ;

ЖИЛИНА Антонина Александровна — прези-
дент торгово-промышленного акционерно-
го общества, г. Волгоград;

ВЫБОРНОВА Ирина Евгеньевна - вице-прези-
дент Волгоного экономического общества
России, г. Калининград, Московская обл.;

ЧЕПУРНЫХ Елена Евгеньевна - Председа-
тель совета Международной Федерации
детских организаций, г. Москва;

СКРИПЧИЦЫНА Раиса Ивановна - вице-мэр
города Обнинск, Калужская обл.;

МАРТЫНОВА Валентина Григорьевна — зам.
Генерального директора Государственного
предприятия «Фармимекс», г. Москва;

ПОПОВА Екатерина Михайловна — Главный
врач Коми республиканской больницы,
г. Сыктывкар;

ОРЛОВА Светлана Юрьевна - Генеральный
Директор женской коммерческой благотво-
рительной организации «АННА», г. Влади-
восток;

КОЖУХОВА Валентина Васильевна — врач,
г. Ставрополь;

ЧУБКОВА Галина Петровна - зав. кафедрой
социологии и психологии РыбВТУЗа,
г. Астрахань;

БАБУХ Лариса Владимировна - Генеральный
директор фирмы «Ларина-сервис», г. Мо-
сква;

ЛОЗИНСКАЯ Жанна Михайловна — историк,
доцент кафедры ТулГТУ, г. Тула;

НОВИЦКАЯ Ирина Ефимовна - зав. детским
отделением больницы скорой помощи,
г. Владимир;

МАРКИНА Людмила Николаевна - директор
арендного предприятия «Мельничный
комбинат № 3», Москва,

Чувство... Нет, все было не так просто. Скромнейшая из скромных стенографистка. Кем-то рекомендованная. Случайно появившаяся для завершения «Преступления и наказания». И известный писатель. После отмены смертного приговора и сибирской ссылки. Принудительной солдатской службы. После «Записок из холодного дома», «Бедных людей», «Дядюшкиного сна», «Униженных и оскорбленных». И после смерти жены. Три года вдовства в неразрешимой путанице материальных и семейных обязательств. Позже Анна Григорьевна признается, что для нее это был выбор разума — восхищения, сочувствия и... Впрочем, для всего остального понадобились годы.

Заграничная поездка — их затянувшийся на четыре года медовый месяц. Можно сказать и иначе: паническое бегство от кредиторов. Взятые займы у книгоиздателя три тысячи под новый роман в большей части остались в Москве — для семьи брата и... пасынка. Последняя тысяча проиграна в рулетку. Анна Григорьевна училась умению рассчитывать каждый грош, терпению, снисходительности. Снисходительность давалась труднее всего.

С годами ей все нужнее станут уверения в его чувстве и своей исключительности в его жизни. «Он говорит, что никогда не забудет, что я теперь стираю и глажу для него, и это в первом же году нашей жизни. Потом, «когда я легла спать, то спросила, любит ли он меня. Он отвечал, что любит. «Так ли, как всех?» «Я не отвечу. Нет, я люблю тебя больше всех,

М. И. Исаева.

почти так, как любил и люблю покойного брата, а к этому ревновать уже нельзя: нет, даже больше, чем брата». (Из дневника А. Г. Достоевской.)

Осталось неназванным одно имя — Марии Дмитриевны Достоевской. Оно висело в воздухе, как грозовая туча на которую лучше было не смотреть, но которая наполняла воздух своим дыханием «Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу всю жизнь за черту переходил» (строки из письма самого Достоевского).

Это была одна из семипалатинских встреч. Молодая семья недавно переведенного в город мелкого чиновника, стесненного в материальных средствах. Уже затронутого

Анна

слабостью к вину. И в то же время не совсем заурядного, если в доме Александра Ивановича Исаева охотно бывали знаменитый путешественник и блестящий знаток старой западноевропейской живописи Семенов-Тянь-Шанский, казахский писатель и просветитель Чокан Валиханов, наконец, особенно подружившийся с Достоевским молодой прокурор А. Е. Врангель. За мужем все они признавали образованность и редкое гостеприимство. За женой... Но здесь хор похвал был более разногласным. Каждый находил в Марии Дмитриевне иные, но неизменно привлекательные качества.

Для Валиханова Мария Дмитриевна — «сама любезность, простота, обаяние. Она умна, а главное — добрый человек». В глазах Семенова-Тянь-Шанского «она оказалась самой образованной и интеллигентной из дам семипалатинского общества и была она хороший человек в самом высоком значении этого слова». Врангель более сдержан: «Она была начитанна, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлитель-

А. Г. Достоевская.
1863.

ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ

на». С первых же дней Врангель имеет возможность наблюдать зарождающееся чувство Федора Михайловича и Марии Дмитриевны. Оно было нелегким, горьким и неотвратимым.

О Достоевском станут говорить: жестокий талант. И это его книгу — последнюю перед своей кончиной — прочтет Лев Толстой. У «жестокоталанта» была суровая жизнь. Родительский дом при московской Екатерининской больнице для бедных. Две сумрачных комнаты с прихожей и кухней, где теснились вместе с родителями семеро детей. Где отец читал им вслух «Историю государства Российского» и «Письма русского путешественника» Карамзина, сочинения Заго-

остальными отношения портятся на годы и годы.

Рассудительностью Федор Михайлович не обладал никогда. Первые же, сразу после отставки, публикации вызывают восторженный отклик Некрасова: «Новый Гоголь!» И едкое замечание Белинского: «Сочетание Гофмана с Марлинским». Ирония судьбы, но именно за пересланное в Москву письмо Белинского Гоголю четырьмя годами позже Достоевский окажется в крепости вместе с петрашевцами. Обвинение против него гласило: «За участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского полного дерзких выражений против православной церкви и верховной власти и за покуше-

ние вместе с прочими к распространению сочинений против правительства». Мера наказания — смертная казнь. Белинскому никаких обвинений предъявлено не было.

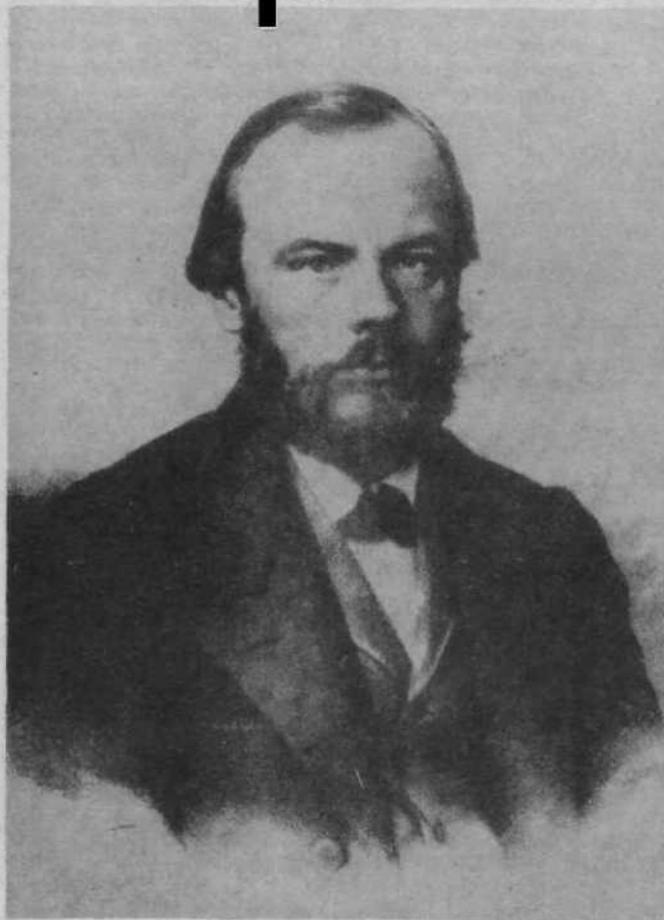
Вместе с двадцатью петрашевцами Достоевский был выведен на Семеновский плац под виселицы и двадцать минут простоял возле них в ожидании казни. Потом был зачитан указ о смягчении наказания: четыре года каторги с последующей службой в солдатах. Шел 1849 год.

Семипалатинск означал для Достоевского конец каторги и солдатской службы рядовым. Это было возвращение к нормальной жизни, обстановке, к дружески расположенным к нему людям.

НИНА МОЛЕВА

И Мария

скина и Лажечникова, стихи Державина, сказки Даля и непременно биографию Ломоносова. В его отсутствие мать и дядя могли напевать под гитару романсы, но при нем дети постигали Моцарта, Мейербергера, Шуберта, Бетховена, Россини. Отец знал: образование — это все, что он может оставить в наследство детям. Для Федора Михайловича это первоклассные пансионы Чермака и Костомарова, а в год смерти матери — отъезд в Петербург и поступление в Инженерное училище. Окончание курса вместе с офицерским чином давало надежное место в Инженерном корпусе, высокий оклад. Но через год службы Достоевский уходит в отставку. Он увлечен театром и рассчитывает на свои литературные возможности. Из родных только старший брат принимает его сторону: «...Я слепо верю в его необыкновенное дарование и уверен, что на избранном им поприще рано или поздно он составит себе славное имя. Правда, я совершенно согласен с вами, что все это можно бы сделать иначе, не вдруг, осторожнее, рассудительнее...» Со всеми

Ф. М. Достоевский.
Литография. 1862.

Доброжелательность и открытость Исаева отравлялись все более глубоким и сильным чувством к его жене, которое Мария Дмитриевна сумела разделять, никак внешне его не обнаруживая. Этот невыносимый узел затянулся еще туже, когда развивающийся недуг Исаева побудил начальство понизить его в должности и перевести в захолустный Кузнецк. Врангель был поражен силой чувства Достоевского: «Сцену разлуки я никогда не забуду. Достоевский рыдал навзрыд как ребенок». Тело пьяного Исаева лежало на телеге. Марии Дмитриевне с маленьким сыном Пашей оставалось только его сопроводить.

Теперь все мысли Достоевского были направлены на то, чтобы увидеть Марию Дмитриевну, хотя бы мимоходом, хотя бы ненадолго. Отлучки в Кузнецк служба самого Достоевского исключала, не говоря уже о неизбежных в провинциальном захолустье слетнях, которые непременно дошли бы до семипалатинского начальства. Оставалась почтовая станция в Змеегорске, на полпути до Кузнецка. Если бы Мария Дмитриевна могла туда приехать! Но свидания, с таким трудом для Федора Михайловича назначаемые, раз за разом откладывались. Недомогания Паши, запои Александра Ивановича и, по всей вероятности, естественный страх перед разговорами, пересудами. Исаевы и так вели в Кузнецке жизнь изгоев. С семьей заведомого пьяницы никто не хотел иметь дела. Одиночество Марии Дмитриевны становилось день ото дня невыносимей. Между тем близкие Достоевскому люди начинали

истолковывать ее сдержанность просто как недостаток чувств. Тот же Врангель напишет: «В Федоре Михайловиче она приняла горячее участие, приласкала его, не думая, чтобы глубоко оценила его: скорее пожалела несчастного, забитого судьбой человека. Возможно, она даже привязалась к нему, но влюблена в него ничуть не была. Она знала, что у него падающая болезнь, что у него нужда в средствах крайняя, да и человек он «без будущности», говорила она. Федор же Михайлович чувствовал жалости и сострадания принял за взаимную любовь и влюбился в нее со всем пылом молодости». Правда, говорить о настоящей молодости уже не приходилось: Достоевскому было далеко за тридцать.

Смерть Исаева в августе 1855 года, казалось, могла открыть счастливую страницу в жизни Достоевского. Казалось, а на деле? Положение Марии Дмитриевны становится отчаянным. Спившегося мужа не на что даже похоронить. На помощь приходит неизвестный благодетель, украдкой передает вдвое трехрублевую бумажку. На самые скромные, едва ли не нищенские похороны может хватить, а дальше — дальше Достоевский не считает себя вправе просить руки Марии Дмитриевны. Не вправе навязывать собственную непроходимую бедность и неустроенность любимому человеку. Судьбу жены пропойцы сменить судьбой жены бесправного ссыльного — сама мысль об этом кажется невыносимой. И тут на горизонте появляется неожиданный полусоперник, полуспаситель.

Николаю Борисовичу Вер-

гунову всего двадцать четыре года. Он на десять лет моложе Достоевского и на пять — Марии Дмитриевны. Уроженец Томска, он приехал на открывшуюся вакансию учителя рисования в двухклассном уездном училище. Кузнецк в то время насчитывал меньше девяти тысяч жителей, три каменных дома, три церкви, две часовни, два церковно-приходских и единственное двухклассное училище, основанное еще при Екатерине II, но до сих пор обходившееся единственным учителем. С 1853 года здесь появились отдельно учитель пригородного класса, законоучитель, учитель наук и учитель искусств.

При всей сложности отношений с покойным Исаевым Достоевский признавался друзьям: «Вы его мало знали. Боюсь, не виноват ли я перед ним, что подчас, в желчную минуту, передавал вам одни только дурные его стороны». Признание в духе героев Достоевского, но ведь это Исаев воидет

Мармеладовым в «Униженных и оскорбленных», а черты характера Марии Дмитриевны останутся в образе Катерины Ивановны, на такой же поданный исподтишка трояк хоронящей своего мужа. Федор Михайлович скажет о нем и другое: «Умер трудно, но прекрасно». Бедный Иов, как отзывался сам о себе Исаев-Мармеладов.

С Вергуновым много труднее. Он молод, недурен собой, щеголеват в меру своих скромных возможностей, и Мария Дмитриевна его первая пылкая любовь. Единственный довод, который может представить Достоевский против их брака, — столь чуждый ему самому материальный расчет. Он пишет Вергунову: «Неужели вы не понимаете, что участь жены учителя в уездной школе, пусть даже получающего 900 р. ассигнациями, и вечный Кузнецк, это не для нее, что ей, образованной, сильной, уготован иной удел!.. Чем можете вы ее поддержать, если сами и шага не сделали без поддержки!»

Все так, но Вергунов и не думает отступать. Самоуничтожение Исаева-Мармеладова ему незнакомо, его ответ полон чувства собственного достоинства: «Да, я беден, но от всей души люблю ее, и она любит меня. Вы спрашиваете, на какую жизнь я ее обрекаю. Но те самые 24 года, которые вы используете как главный

довод против меня, можно обратить и в мою пользу — ведь если мне 24 года, то у меня все еще впереди!.. Да и не по той ли причине убеждаете вы меня «отказаться» и «не портить ей жизнь»? Это уже откровенное соперничество, неприкрытая ненависть. Портретный набросок учителя рисования дважды возникнет в «Дядюшкином сне»: неудачный жених Зины — Мозгляков и влюбленный в Зину Вася. Моложе ее по годам, этот Вася способен на любую подлость. Вряд ли беспощадный к самому себе Достоевский мог таким образом мстить сопернику. Впрочем, можно ли вообще говорить о сопернике? Все зависело от чувств Марии Дмитриевны, а они, несмотря на самоуверенность Вергунова, на любовь, были похожи меньше всего. Врангель утверждал, что она только жалела Достоевского. В действительности, настоящую жалость вызывал у нее только Вергунов — молодой, неустроенный, ничего не умевший, не ладивший с начальством и неустанно мечтавший о какой-то необыкновенной карьере, жизненном успехе. Кроме нее, никто не принимал его всерьез, да и не принимал вообще. Смешной и жалкий неоперившийся птенец. Кому только не сочувствовали героини Достоевского!

Мария Дмитриевна слишком горда, чтобы пускаться в объяснения с знакомыми, и слишком мало придает значения поклоннику из уездного училища, чтобы даже упоминать о его существовании в письмах к родным. Другое дело — Достоевский: «Отказаться мне от нее невозможно никак, ни в каком случае. Любовь в мои лета не блажь, она продолжается два года, слышите, два года, в 10 месяцев разлуки она не только не ослабела, но дошла до нелепости». «Нелепость» и заставляет забыть о всех препятствиях к браку. Через полтора года после смерти «бедного Иова» назначается венчание Федора Михайловича и Марии Дмитриевны.

После смерти мужа, несмотря на все материальные затруднения, положение Марии Дмитриевны в Кузнецке значительно улучшилось. К ней начинают относиться с сочувствием, почти симпатией. Она неожиданно приобретает искренних друзей — супругов Катанаевых, и Анна Николаевна Катанаева берет

на себя все хлопоты и расходы по свадьбе. Одна из свидетельниц впоследствии напишет: «За народом едва можно было протолкаться вперед. Конечно, присутствовало в церкви и все лучшее кузнецкое общество — Анна Николаевна их всех пригласила. Дамы были все разряжены. В церкви — полное освещение. Сначала, как водится, приехал жених. Конечно, внимание всех на него обратилось. И я смотрела с любопытством: хоть мне и было только лет 16, но я слышала, что он не простой человек — писатель. Он, помню, был уже немолодой, лет тридцати восьми, довольно высокий — выше, пожалуй, среднего роста... Лицо имел серьезное. Одет он был в военную форму, хорошо, и вообще был мужчиной видный. Жениха сопровождали два шафера, учитель Вергунов и чиновник Таможенного ведомства Сапожников. Скоро прибыла невеста также с двумя шаферами. Одним из них был сам исправник Иван Миронович Катанаев. Худенькая, стройная и высокая, Мария Дмитриевна одета была очень нарядно и красиво, хоть и вдовушка. Венчал священник отец Евгений Тюменцев. Были и певчие...»

А потом были столы и танцы, и Федор Михайлович очаровал всех кузнецких дам любезностью, ловкостью в танцах и откровенным весельем. Видел ли его раньше кто-нибудь таким счастливым? Скромный домик на Полицейской улице, 40, из двух комнат, соединенных коридором с передней и кухней, напоминал теснотой московскую отцовскую квартиру.

Счастье — трудно было не поверить — наконец-то нашли их. Обоих. Из письма Марии Дмитриевны Достоевской сестре: «Я не только любима и балуема своим умным, добрым, влюбленным в меня мужем, — даже уважаема и его родными, их письма так милы и приветливы, что, право, остальное стало для меня трын-травою». Из письма Достоевского А. Е. Врангелю: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, и я любил тоже ее без меры...»

Конечно, многое так и остается загадкой. Каким было объяснение Достоевского с Вергуновым и почему именно Вергунов оказался шафером на свадьбе люби-

мой женщины и поставил свою подпись на документе о венчании — бранном обыске? Почему в том же 1857 году Мария Дмитриевна одолевает у А. Е. Врангеля, не обещая скорого возврата, целых 50 рублей, чтобы заказать памятник Исаеву — огромную чугунную плиту с надписью, составленной скорее всего самим Достоевским: «Аз емь воскресение и живот, веруай в мя имат живот вечный» — и возникающей потом в «Преступлении и наказании»? Почему, наконец, Вергунов постоянно ждет от Достоевского помощи и поддержки и не получает отказа в них, а сам Федор Михайлович с такой болезненной нежностью привязывается к пасынку, совсем не простому по характеру Пашеньке, которого не оставит до конца своих дней и не забудет наравне с собственными детьми в будущем завещании?

И все же это было пусть недолгое, но яркое и светлое счастье, в котором Достоевскому отказали потом историки, потому что, дескать, не могло быть светлых дней у «жесточкого таланта», и еще потому, что в его жизни появилась Анна Григорьевна.

Трудно поверить, но местная легенда связывает Достоевского с Кузнецком по той единственной причине, что он якобы находился в заключении в здешней крепости. В 1918 году II-й Кузнецкий уездный съезд солдатских и крестьянских депутатов принимает решение об увековечении памяти отбывавшего в Кузнецке ссылку Достоевского. Речь идет о создании мемориальной комнаты писателя, носящей его имя библиотеки-читальни и об установлении мемориальной доски на камере № 5. И никто не подсказал, что Кузнецкая крепость была упразднена в год суда над Достоевским и его отправки на каюту. Никто не вспомнил о доме на Polizeйской улице, еще в 1901 году переименованной в улицу Достоевского. Не позаботился о вековой лиственнице, которая помнила писателя и была спилена в 1979 году, потому что мешала установить башенный кран для соседнего строительства. Тем более не удостоилась памятной доски Одигитриевская церковь, где венчался Федор Михайлович и Мария Дмитриевна.

...Ссылка. Ни на день не оставляло Достоевского сознание своего положения ссыльного. Поэтому при первой же возможности он оставляет Кузнецк. Он еще не получает права вернуться в столицу, не освобождается от негласного надзора, но выбравшая им для жительства Тверь — преддверие таких важных для него городов: почти Москва и почти Петербург. Достоевские устраиваются на новом месте, и вслед за ними в Твери появляется Вергунов, потерявший должность в Кузнецке и теперь как никогда нуждающийся в средствах к существованию. Имело ли это значение для их счастья? Вряд ли. Другое дело, что в новой обстановке, среди незнакомых людей Мария Дмитриевна теряет почву под ногами, тогда как Достоевский рвется в столицу, строит планы издательской работы. «Несмотря на то, что мы были с нею положительно несчастливы вместе — по ее страстному, мнительно и болезненно-фантастическому характеру; мы не могли перестать любить друг друга; даже, чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу». (Из письма Достоевского А. Е. Врангелю. Сразу после смерти Марии Дмитриевны.)

Но без страстного, мнительно и болезненно-фантастического характера Марии Дмитриевны не было бы Настасьи Филипповны, Грушеньки, даже Сонечки Мармеладовой — всего непредсказуемого, трагического и самоотверженного мира женщин его романов. К тому же особенности характера Марии Дмитриевны усугубляются не только писательским прозрением, но и ее быстро развивающейся болезнью. Новый климат явно не на пользу Марии Дмитриевне. Врачи понимают: справиться с этим видом чахотки им не удастся. Дело времени. Недолгого. Но Достоевский не может и не хочет верить подобному диагнозу. Супругам кажется, что врачи преувеличивают. У Федора Михайловича слишком много неотложных литературных дел. При первой же возможности он переезжает в Петербург, лето супруги часто проводят в Старой Руссе. В ноябре 1863 года Достоевские приезжают в Москву, но петербургские хлопоты еще не закончены, и Федор Михайлович снова отправля-

ется в столицу на Неве. Теперь уже один. Состояние здоровья Марии Дмитриевны настолько ухудшилось, что переезды для нее невозможны. Семья доктора Иванова, мужа сестры Достоевского, берет на себя заботы по уходу за умирающей. О том, насколько близок конец, стараются не говорить, но любой ценой облегчить усиливающиеся страдания.

Пятнадцатого апреля 1864 года Мария Дмитриевна уходит из жизни. Десять с лишним лет в совместных радостях и горе, во взаимном понимании и непонимании, но с неизменной, подчас для самих себя необъяснимой привязанностью. Федор Михайлович принимает решение оставить пасынка у себя. И еще раз помочь по-прежнему мелькающему где-то невдалеке Вергунову. В память о заботившейся о нем покойнице — обвинение, которое будет предъявлять Марии Дмитриевне и сама Анна Григорьевна, старательно вымарывая в бумагах любое упоминание ее имени, и, со слов матери, дочь Анны Григорьевны — Любовь Федоровна.

Конечно, это было необычайно важно — упорядоченный дом, жена-помощница, дети... Но до их появления придет увлечение яркой и страстной личностью Аполлинарии Прокофьевны Сусловой, близкой приятельницы сестры Сухово-Кобылина, писательницы, Елизаветы Васильевны Салиасы де Турнемир. Шестидесятница по убеждениям, поступкам, характеру, она с недоумением выслушала Достоевского и не задумываясь ответит отказом. При всем восторженном отношении к его таланту, при всей близости к нему во взглядах. Еще одно увлечение, связанное с надеждой построить семью, — Анна Васильевна Корвин-Круковская, будущая Жаклар, одна из героинь Парижской коммуны. И еще один отказ. Не менее категоричный, при полном понимании творческого масштаба писателя. Честь быть его женой — обе женщины понимали какого самоотречения она требует. Во всяком случае, отказа от собственных стремлений, собственной деятельности, от борьбы за свои идеалы, которые к тому же совпадали с представлениями и прозрениями Достоевского. Но и среди ближайших родственников — детей любимой се-

стры Веры Михайловны Ивановой — Федор Михайлович отдает предпочтение ее старшей дочери Сонечке из-за ее натуры — сильной, убежденной, способной на самоотречение и понимание своего человеческого долга.

После кончины Марии Дмитриевны, после бурных и бесплодных увлечений последних лет брак с Анной Григорьевной был тихой, надежной пристанью, позволявшей заниматься только литературой, осуществить и упорядочить многие замыслы. «Я не могу признать, — напишет Анна Григорьевна после его кончины, — что горе мое — эгоизм. Я тоскую не потому, что мне теперь без него трудней жить, мне больно, что он не жив, он, так желавший и мечтавший еще жить, еще работать... Знаете ли вы, что все 14 лет нашей общей жизни мы работали с ним как воли (я помогала ему стенографией, корректурами, издаваем книг), и вечно-то мы нуждались, вечно едва сводили концы с концами, тревожились и мучились хоть о самом крошечном обеспечении. Знаете ли, идея необеспеченности, мысль, что я и дети останемся без средств к существованию в случае его болезни или смерти, — мысль эта мучила и волновала его постоянно. Вы поймете, как мне больно думать, зачем это относительное довольство — моя пенсия — не пришло прежде, когда оно было так необходимо, когда оно могло успокоить его...»

НИНА МОЛЕВА,
доктор
исторических наук,
кандидат
искусствоведения,
член СП и СХ России